

В тот год, когда случилась наша встреча, Лаврентии исполнилось пятьдесят, а мне шёл двадцать четвёртый. Это была моя первая работа, а Лаврентия стала моим первым непосредственным руководителем. Как же я, окружённая её почти материнской заботой, ликовала в те дни! Под влиянием её участливого взгляда я, ещё не искушённая житейским опытом, за чашкой чая поведала Лаврентии историю моего неудачного замужества, свои опасения по поводу предстоящей деятельности. А через пару недель она, хитро выведавшая мои болевые точки, начала на них безжалостно давить, стараясь причинить мне максимальный дискомфорт, добываясь моего увольнения по собственному желанию.

Мне стало известно, что на этой должности до моего прихода сменилось шесть человек, и все они или пристроились в соседние службы, или нашли другое занятие.

За глаза моего босса, заместителя начальника отдела, вначале называли «Лаврентий Павлович», позднее это прозвище трансформировалось на женский лад в «Лаврентия Павловна», а после и вовсе упразднилось до имени «Лаврентия». Она постоянно носила затемнённые очки, лишь изредка снимая их для прочистки стёкол. Очки протирала тщательно предназначенной для сей процедуры тряпочкой, не открывая при этом глаз. Порой мне казалось, что Лаврентия не снимает очки, даже ложась спать. По крайней мере, пробыв с ней рядом без малого четыре года, я бы не смогла ответить на вопрос, какого же цвета её глаза.

Итак, Лаврентия Павловна надеялась выжить меня, как и всех моих предшественников, чтобы убрать со своего

пути молодых и перспективных, а я сопротивлялась, как могла. Ещё бы, ведь меня устраивали должность, зарплата и то, что офис находится недалеко от дома! А главное — теперь мой сын посещал ведомственный детский сад, один из лучших в городе и, что тоже немаловажно, в шаговой доступности от моей новой службы.

Лебезить и виноватиться перед начальницей за свои выращенные ею из мухи в слона промахи я не собиралась, видя, что её придумки не соответствуют реальности. К тому же, как я уяснила из рассказа бывшей коллеги, такое поведение всё равно не даст результатов и ещё больше разозлит Лаврентию.

Поняв, что цели достичь непросто, начальница принялась критиковать меня на рабочих совещаниях. Однако, не поддерживаемая руководством, вскоре изменила стратегию, перейдя из атаки в глухую оборону, продолжая при общении со мной кривить губы в язвительной усмешке.

По утрам моё сердце сжималось от страха при мысли, что вскоре увижу своего врага, что она, как всегда монотонно, станет придираться к пустякам типа: почему не на том конце моего стола стоит письменный прибор или почему я пью чай, а не кофе. Я плакала, но шла на работу. Надежду вселяли слова генерального директора, сказанные мне в самом начале нашего знакомства: «Всё у вас получится!»

И вот — ура! К зданию нашего учреждения сделали пристрой, в котором Лаврентии предоставили отдельный кабинет. Я с облегчением вздохнула, потому что отныне этой мегеры не будет рядом со мной постоянно. Вскоре мои старания заметило высокое руководство и предложило мне стать заместителем заведующего другим подразделением.

Я прыгала от радости, несмотря на предстоящие трудности освоения новой для себя роли. Между тем Лаврентия на очередном собрании выступила с гневной речью в адрес генерального: мол, позволяете руководить людьми пацанкам! Я сидела ни жива ни мертва. До какой же степени, ду-мала я, надо меня ненавидеть, чтобы так хаять!

— Нам виднее, кого ставить! — прервал её обличения поднявшийся директор и, хлопнув по столу ладонью, дал понять, что мнение Лаврентии его не интересует.

Наконец-то явный перевес случился на моей стороне! Думалось: чего мне бояться бывшей начальницы, если отныне я не зависима от неё? И всё-таки стоило мне оказаться с ней поблизости, как в душе пробуждалась, росла и пребывала тревога до тех пор, пока Лаврентия не исчезала из поля зрения.

Странно: несмотря на «бзики» Лаврентии, несмотря на то, что она не была особо ценным специалистом, руководство не предлагало ей уйти на пенсию. Мать-одиночка, не бывавшая замужем, она, похоже, после отъезда дочери за границу жила только работой. Правда, сразу же, как ей исполнилось шестьдесят пять, она отказалась от должности зама, но сумела поставить себя так, что в профессиональные праздники и юбилеи предприятия награждение обязательно начиналось именно с неё. Администрация продолжала холить Лаврентию как некую реликвию.

Она же со временем стала опасно подозрительной. Как-то, встретив меня в коридоре, потребовала:

— Зайдите ко мне после обеда, я должна с вами поговорить!

Я кивнула, сказав про себя: «Жди! Разбежалась! Я начальник отдела, понадобится — сама явишься!» К тому же по её тону чувствовалось, что предстоящий разговор не сулит ничего доброго.

Меня опять охватила паника, и я буквально вздрагивала в течение нескольких недель при звуке открывавшейся в кабинет двери. Когда мои волнения улеглись и я решила, что старушка забыла обо мне, она тут как тут возникла на пороге:

— С чего вы взяли, что я уйду на пенсию? Почему распускаете подобные слухи?

— Никаких слухов я не распускаю, — ответила я, глядя в затемнённые стёкла её очков. — А сейчас, извините, у меня срочный разговор.

Взяв сотовый, я повернулась в кресле и, устроившись спиной к незваной посетительнице, быстро набрала номер сестры.

— Добрый день! Я обещала перезвонить.

Я волновалась, но изо всех сил старалась говорить спокойно, надеясь, что Лаврентия удалится. Благо у сестры всегда есть что рассказать, и можно было просто слушать, но позади стояла она. Казалось, каждая клеточка моего организма,

даже через закрывавшие меня высокую спинку кресла и письменный стол, ощутила её тяжёлый, злобный взгляд.

Разменяв восьмой десяток, Лаврентия написала заявление об уходе. Проводили её пышно, с торжественными речами и подарками. В это время я отсутствовала, набираясь сил на берегу Чёрного моря перед вступлением в новую должность зама по экономике.

В первый после отдыха день я подходила к офису, когда на противоположной стороне улицы заметила Лаврентию. Она застыла в ожидании зелёного сигнала, опершись на тросточку, в сдвинутом на глаза нелепом ярко-красном берете, с дамской и хозяйственной сумками в левой руке.

Мне совсем не хотелось видеться с ней, но, вопреки своему нежеланию, я прибавила шаг и направилась навстречу. Не спеша, сильно хромая, она приблизилась ко мне и вдруг улыбнулась в ответ на моё приветствие.

— Разрешите? — я потянулась к её ноше.

— Ах да, спасибо,— заволновалась она, подавая дамскую, с потёртыми ручками, сумку и выцветшую матерчатую хозяйственную.

Мне эти сумки показались пушинками, а для неё были явно тяжелы.

Я взяла её под руку, не сомневаясь, что старушка примет помощь.

— Как вы? — поинтересовалась я, стараясь идти по-медленнее.— Вы к нам?

— Да, я обещала дежурной, Машеньке, отростки гераньки. У меня пушистая, коралловая, а у Машеньки такой нет.

Мы остановились у стола вахтёра, и губы Лаврентии вновь тронула улыбка:

— Спасибо!

— Всего доброго! Будьте здоровы!

Я бодро пошла к лестнице, уверенная, что она смотрит мне вслед. Вот только каким взглядом? Завистливым, испепеляющим или благожелательным? На площадке между первым и вторым этажами меня настиг привычный страх, но я так резко мысленно цыкнула на него, что страх сначала тихонечко поплёлся за мною, а потом отстал навсегда.